

ГЕННАДИЙ ПОПОВ

НАТАЛЬЯ

(ИЗ РУКОПИСИ НОВОЙ КНИГИ ЛИРИКИ
«С УЛЫБКОЙ И ПЕЧАЛЬЮ»)

*«Восславляя светлую Наталью,
Славлю жизнь
с улыбкой и печалью...»
Павел Васильев*

* * *

О чем молчит ущербная луна
в сиянии холодного покоя?
Ей доля непокоя не дана,
она не знает, что это такое.
Цепляет звезды стройная ветла,
косые тени падают на плечи.
Осенней ночью улица светла.
Ей не постигнуть боли человеческой.
Глазастые пылают фонари,
затмив собою вечные светила.
Далёкая, молчи, не говори:
в кой веки раз молчанье посетило.
Вокруг молчат уставшие слова...
Ты слышишь их, березой осенённых?
Луна, как одноглазая сова,
Взирает на заблудших и влюблённых.
Молчанье опускается не вдруг...
Ручей неслышно в темноте струится,
как этот миг, прохладен и упруг,
неуловимый, как ночная птица.

На подступах невидимой реки,
замедлив шаг, смиряются порывы.
Негаданное, воле вопреки,
срывается с небесного обрыва.
Вершит судьба печальный листопад
в безмолвии ночи-исповедальни...
Возьму и брошу камень наугад:
Собью фонарь, что смотрит в окна спальни?

* * *

Полно, душу себе не трави:
Бог с ним – гостем случайным, незванным.
День сторит от осенней любви
на последнем костре златотканом.
Луч прорежет вечернюю мглу,
пыль взвоется с дорожных обочин...
Словно в сердце вонзили иглу –
золотую, да острую очень.
Это тешится осень сама,
тройкой в лентах на празднике скачет.
Солнце осени сходит с ума,
поздней иволгой зорями плачет.
Словно кони осенней красоты
Распустили цветастые гривы:
это пламя созвездья Весы

издалека дохнуло игриво.
Не волнуйся, прибрежный ивняк,
не катитесь, остывшие волны...
Ветры времени крутят ветряк,
дикой силы и радости полны.
Нет у силы, чтоб их усмирить...
Бог с ним – ветром из осени шалой.
Всё летит серебристая нить
над вечернею рощей усталой.
Только душу свою не сожги:
не ходи по аллеям пустынным.
Прошумят над Окою дожди
и расстелятся снегом холстинным.
Снова в мае зажгутся сады –
ослепительным, сказочным, белым...
Не ходи у свинцовой воды,
где осеннее солнышко село.

* * *

В кустах остынут белые пески,
нагромоздятся снежные заносы.
Идет зима, ступая по-мужски,
сметая прочь осенние вопросы.
Ей дела нет до позднего тепла...
Трепещет память на плакучих ветках,
как сердце птиц,
живущих в тесных клетках,
как седина: почти белым-бела.
Здесь по весне распустится ивняк
в большой воде, в песчаной колыбели,
где мы стояли, словно у плетня,
и небеса над нами голубели.
Над откровеньем страстного пера
не властны ни века, ни расстоянья:
здесь будет длиться вечное вчера,
наперекор законам угасанья.
Да будет так...
Рассудочной строкой
что прикасаться к памяти смятенной?
Раскинется над зимнею рекой
морозный сад с палатой белостенной,
где будет стыть пьянящий аромат
осеннего душистого настоя...
И снова снежно забелеет сад
Под юным солнцем будущей весною.
Ну а пока густятся облака,
пронизанные светом и покоем.
И радость, горьковатая слегка,
и осени цветенье колдовское...

Блажен, кто верует и любит до конца.
Ему тепло и в лютые морозы...
И я блажен...
И волею Творца
Слова текут, как искренние слезы.

* * *

Ты говоришь: туман...
Я ничего не вижу.
Лишь голос сквозь него доносят провода.
Не расстоянье, нет – оно намного ближе:
но толща лет – текучая вода.
И ожиданья жар...
Горят воспоминанья.
Как много их – и шрамов, и седин...
И ветер в облаках осеннего дыханья,
И набрызги дождя, и жалобы рябин.
Напрасно их жалеть...
Любимая, не надо:
Не оживить цветов в пылающих плодах.
В тенистой глубине заброшенного сада
Русалок хоровод резвится на прудах.
То тени слов моих...
Им нет числа и меры.
Сусальным серебром спадает мишура
Пустых забытых клятв,
пустопорожней веры,
почти всего, что сказано вчера.
Слетает позолота осеннего убранства,
с печальных русских рощ восходит
дивный свет.
Никак не одолеть безумного пространства,
которому начала и предела нет.
Но сердцу все равно: над ним расчет
не властен.
Падет, клубясь в лучах,
туман к ногам земли.
Незримые летят слова – посланцы страсти,
и во Вселенной мы – живые корабли.

* * *

Что сказать безучастной толпе...
Так иссохшей душе одиноко.
Сердцу слышатся тихий напев
и приветливый зов издалека.
На груди разноцветную шаль
теребят лихорадочно пальцы...
На заре золотистая даль
отливает девичьим румянцем.
Истомленные щеки бледны,

как в рассветном тумане озёра.
Потаенные тропы видны,
на которых не встретиться скоро.
Ты прости мне в сиянье берёз...
Влажный ветер, к волне припадая,
Улетает прощально за плес,
улетают осенние стаи.
Улетают, призывно трубя,
на высокой волнующей страсти...
Ты прости: может ранить, любя,
мимолетное странное счастье.
Чу! Цыганские кони храпят:
Сбруя – в золоте, норов неистов...
Ты прости за тоскующий взгляд.
Не звени, золотое монисто.
Ты прости...
На холодной заре
стынут губы и плавится сердце.
Облетает листва в октябре.
Облетает...
И некуда деться.

* * *

Бабье лето...
Лежат облака
На верхушке лохматого стога.
Здесь речная волна глубока

И накатана ветром дорога.
Здесь дрожащие ветки осин
Так светлы, что забыть невозможно.
Паутина на солнце висит...
И тревожно, тревожно, тревожно...
Даже птицы – и те не вольны...
Миг прощанья мучительно нежен.
На ветру гребни волн, как челны,
Чередой выходят на стрежень.
Их уносит холодный поток
К горизонтам морозным и снежным.
И кружится осенний листок
На отчаянных крыльях надежды.

* * *

И Рязань без тебя не Рязань,
и берёзовый сок ни к чему.
Перестань укорять, перестань,
я и так ничего не пойму.

Снова, снова дурманит полынь,
Видно, сны не успели остыть.
Здесь опять наступает теплынь.
И нельзя ничего позабыть...

И нельзя ничего повторить.

Н.

Всероссийской премии имени Расула Гамзатова в 2011 году удостоен поэт Геннадий Попов. Премия учреждена Международным общественным фондом имени Гамзатова с целью увековечения его памяти, поддержки творческих людей и выявления талантливых поэтических произведений.

В этом же году Геннадий Попов был отмечен дипломом II Славянского литературного форума «Золотой витязь» в номинации «Поэзия».

Редакционный совет альманаха «Орёл литературный» поздравляет Геннадия Андреевича с наградами и желает вдохновения, новых поэтических книг и любви читателей!